

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тугорский А.В., Латушко Ю.В. Этнические процессы у тазов в начале XXI века в связи с этнической историей // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.6.76953 EDN: OIEURE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76953

Этнические процессы у тазов в начале XXI века в связи с этнической историей

Тугорский Андрей Владимирович

ORCID: 0000-0003-4651-4667

кандидат исторических наук

доцент; Учебно-научный Институт антропологии и этнологии; Российский государственный гуманитарный университет
доцент; Исторический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119992, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27 корп. 4, исторический факультет МГУ

[✉️](mailto:tutorski@mail.ru) tutorski@mail.ru

Латушко Юрий Викторович

ORCID: 0000-0002-0036-5531

кандидат исторических наук

ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией антропологии Северной Пасифики;
Лаборатория антропологии Северной Пасифики; Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН

690001, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Ленинский р-н, ул. Пушкинская, д. 89

[✉️](mailto:latushko@mail.ru) latushko@mail.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.6.76953

EDN:

OIEURE

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2025

Аннотация: Целью настоящей работы стала характеристика состояния культуры тазов (коренной малочисленный народ Приморского края) на рубеже XX – XXI веков. Начиная с 1990-х гг. народы РФ активно манифестирували свою культуру в средствах массовой

информации и общественном пространстве. Тазы хотя и вели подобную деятельность в административной сфере (результатом стало признание их как КМН Приморья), однако очень незначительно популяризовали свою культуру. В качестве ключевых направлений исследования выделены проблемы "невидимости" тазовской культуры, четкости самосознания и представления об этнических границах, а также гольдской идентичности. Представители тазов не ведут активную деятельность в социальных сетях или других СМИ, публикуя статьи, которые позволили бы представителям других народов познакомиться с их культурой. Вместе с тем, они обладают четким самосознанием и представлением о "своих" и "чужих" обрядах, праздниках, блюдах и т.д., противопоставляя себя удэгейцам, китайцам, русским, корейцам, нанайцам и др. Гольдская идентичность выступает как внутритазовская идентичность, которая характерна для активистов этого движения. Исследование включало две части. Первая проводилась методом контент-анализа страницы сообщества Ассоциации коренных малочисленных народов Приморья в сети ВК (март-май 2024); вторая методом полуструктурированных интервью в ходе полевого выезда в Ольгинский район Приморского края (июль 2025). Основными выводами проведенного исследования является описание состояния культуры тазов по результатам полевого сезона 2024 г. Культура сохраняет черты "невидимости", которая отчасти объясняется этнической историей (сильная китаизация тазов, которая вела к их отождествлению с китайцами), а отчасти особым статусом активистов, которые имеют гольдскую идентичность. При этом гольдская идентичность, противопоставляется нанайской (официально: гольды – устаревшее название нанайцев), но считается родственной тазовской. Таким образом, тазовская идентичность четко осознается ее носителями, однако не вписывается в те рамки, в которые ее ставят исследователи-этнографы. Авторы видят свой вклад в дискуссию в том, что показывают сложный состав тазовской культуры, которая не представляет собой только соединение китайской и удэгейской культур, но включает также корейскую, гольдскую, а также, возможно, манчжурские элементы.

Ключевые слова:

Приморский край, коренные малочисленные народы, тазы, гольды, множественные идентичности, этническая история, этнические границы, кибер-этнография, удэгейцы, этноактивизм

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор "мягкой силы"» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023-2025 гг.).

Тазы – коренной малочисленный народ Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, включенный в официальный перечень 24.03.2000 [Постановление Правительства РФ № 255 от 24.03.2000 г. (ред. от 18.12.2021) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_26631. Дата обращения 01.12.2025]. В 2009 г. село Михайловка Ольгинского района Приморского края была включена в «Перечень мест... традиционной хозяйственной деятельности КМНССДВ» [Распоряжение Правительства РФ № 631-р от 08.05.2009 г. «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных

малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_87690. Дата обращения 01.12.2025]. Весной-летом 2024 г. была осуществлено двухэтапное исследование тазов: вэб-этнографическое (апрель-май 2024 г.) [1] и выездное в Ольгинском районе Приморского края. В ходе этой работы был собран материал, касающийся современного состояния культуры тазов, а также вторичных форм презентации их культуры. Материалы обоих исследований продемонстрировали схожие результаты, которые кратко можно сформулировать следующим образом: современная культура тазов по целому ряду параметров и особенностей существенно отличается от культур других этнических общностей России и Приморского края.

В данном случае речь не одет об этнически специфических элементах культуры, а о процессах, которые протекают в культуре тазов отлично от многих других народов России. Так, в 1980–1990-е гг. у народов начались процессы, которые назывались «этническим возрождением» [2; 3], в ходе которого народы стали более активно продвигать свою культуру и идентичность в общественном пространстве, средствах массовой информации, включая с 2000-х и электронные издания. И здесь можно сформулировать первую проблему, связанную с тазовской культурой – проблема «невидимости» тазовской культуры: она слабо проявляется в сети Интернет, а экспозиция, посвященные тазам (до 2025 г.) имелась только в краеведческом музее г. Ольги, в то время как в музеях Кавалерово, Владивостока, а также этнографических музеях Санкт-Петербурга такие выставки отсутствовали.

Процессы «этнического возрождения» предполагали также сложение групп этнических активистов, которые начинали позиционировать культуру своего народа отделяя его от других, порой очень близких по культуре народов (1990–2000-е), в 2010-е, наоборот, провозглашая свой народ частью более крупных языковых, религиозных или региональных групп. Активное развитие получили панафриканское движение [4, с. 32], афрополитизм [5, с. 97], пантюркизм [8; 9], особенно ярко эта тенденция проявляется в Интернет-пространстве [8; 9]. Эта тенденция в развитии не находит отражения в современном развитии тазов. Эту проблему можно назвать проблемой автаркии. Она проявляется, во-первых, в четком разграничении тазовской культуры и ближайших родственных культур (китайской и удэгейской), а во-вторых, в особом характере тазовского активизма, который связан с т. н. проблемой гольдской идентичности.

Проблема «невидимости» тазовской культуры. Исследователи, которые проводили исследования тазовской культуры на рубеже XX-XXI веков отмечали, что ее очень трудно увидеть и зафиксировать. Например, А. Х. Гирфанова пишет: «попытки записать какой-либо фольклорный материал (что обычно удается у удэгейцев, не говоря о нанайцах) не увенчались успехом... хотя у них и есть некоторое понимание своей самобытности и интерес к жизни предков. Об этом говорит хотя бы сохраняющийся школьный "этнографический музей"» [10, с. 392].

Проведенное автором этой статьи Интернет-исследование продемонстрировало схожую ситуацию. Так, среди публикаций сообщества СКМНПК за период с 18.03.2019 (первый пост сообщества) по 01.06.2024, посвященных культурам удэгейцев, нанайцев и тазов, распределение выгляди следующим образом. Всего за названный период в сообществе было опубликовано 403 поста, из которых только 83 затрагивали непосредственно тему коренных малочисленных народов и их культур. Причем, удэгейцы упоминались в 68 постах, нанайцы – в 31, а тазы – в 22. Более того, в 14 публикациях упоминаются все

три коренных народа Приморья в стандартной формулировке: «коренные малочисленные народы Приморского края удэгейцы, нанайцы и тазы». Как правило, использование такой формулировки предполагает в дальнейшем информирование о каких-то общих вопросах, не предполагающих дальнейший рассказ о культурах этих народов. Таким образом, из 22 упоминаний тазов 14 – это упоминания в числе других народов, и только 8 публикаций посвящены культуре тазов непосредственно (против 54 публикаций непосредственно об удэгейцах и 17 о нанайцах) [\[1, с. 50\]](#).

К этому следует прибавить еще одну особенность: малое количество лиц, говорящих о культуре тазов (в указанном Интернет-сообществе). Так, о культуре удэгейцев рассказывают сотрудники Русского этнографического музея в Санкт-Петербурге, исследователи ИИАЭДВ, семейная община «Буа хони», община «Удэге», община «Агзу», художник-удэгеец Иван Дункай, «директора школ, представители удэгейского народа, учителя, преподающие удэгейский язык. Также немаловажно, что руководителем Ассоциации коренных малочисленных народов Приморского края является удэгеец Валентин Андрейцев. Перед нами широкий спектр организаций науки, культуры, общественных организаций (родовых общин) и конкретных людей на местах, активно продвигающих удэгейскую культуру на общерегиональном уровне в Приморском крае.

В случае с тазами за более чем пятилетний период деятельности сообщества от лица тазов выступали только три человека: А. Ф. Старцев – крупнейший специалист по этнографии тазов и удэгейцев в ИИАЭДВ, В. В. Андрейцев – глава СКМНПК и Надежда Ваганова, которая фигурирует в сети как «последний носитель языка тазов». Мы видим разительное отличие от презентации культуры удэгейцев. Во-первых, большинство говорящих о культуре – не тазы, за исключением Н. Вагановой. Однако, и во-вторых, среди говорящих нет Российского этнографического музея, Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, которые однозначно имеют материалы по культуре тазов в своих коллекциях. Единственное «тазовское» блюдо – фунчозу – приготовил на одном из фестивалей традиционной кухни В. Андрейцев. Таким образом, культура тазов практически не представлена не только носителями самой культуры, но и крупными учреждениями науки и культуры как регионального, так и федерального уровня. По итогам исследования Интернет-пространства возникало впечатление, что тазы активно скрывают собственную культуру и не идут на контакты с исследователями, однако и учреждения науки и культуры по определенным причинам также не выступают активными пропагандистами тазовской культуры.

Полевые исследования в Ольгинском районе несколько усложнили эту картину. Оказалось, что имеется достаточно большое количество активных людей (как правило, занимавших или занимающих достаточно важные посты в районной администрации), которые записаны тазами и пытающихся активно бороться за права «своей культуры». Ключевой момент в данной ситуации заключается в том, что они называют себя не тазами, а гольдами. Причем в одном случае, женщина, которая записана как тазовка, а старшие мужские родственники как гольды, ведет активную деятельность по визуализации гольдской культуры и идентичности.

Примером четкого отделения культуры тазов от культуры ближайших соседей – удэгейцев – может служить ситуация с описанием съемки «традиционной заклички», описанной в статье Е. А. Черновской. Она пишет, что во время съемки документального фильма «Приморские тазы, кто они?» (2017) о жителях села Михайловка глава администрации села, удэгейка, попросила четырех школьниц продемонстрировать традиционную закличку. В ходе интервью с одной из участниц съемки в с. Михайловка

(С., 2001 г.р.) было высказано следующее мнение: «Мы исполнили, что нас просили. Там была я и еще одна девушка тазовка, и две русские девушки. «Это их [удэгейское. – А.Т., Ю.Л.], не наше» [Полевые материалы авторов, собранные в Ольгинском районе Приморского края в 2024 г. (Далее: ПМА-2024); 14, с. 60].

В этом примере важно подчеркнуть тот факт, что организовать съемку тазовского обряда у участников киноэкспедиции 2017 года не удалось. Зафиксированный в фильме удэгейский обряд должен быть близок к традиционной культуре тазов, коль скоро тазовская культура представляет собой симбиоз культуры китайцев отходников конца XIX века и местных тунгусо-манчжурских традиций. При таком подходе местные жители, в особенности молодежь, которая меньше разбирается в тонкостях обрядовой жизни, не должна четко осознавать, что это «не их» обряд. Вместе с тем, полевые материалы демонстрируют именно эту тенденцию: традиционные тазовские обряды остаются «невидимыми», а близкородственная удэгейская обрядность четко осознается как чужая.

Другим иллюстрирующим эту тенденцию примером может служит ситуация в религиозной сфере. В ходе интервью многие информанты указывали на то, что в 1980-е гг. они приняли православие и в настоящее время являются прихожанами церкви. Например, Е. (1963 г.р.) из с. Пермское рассказывала: «в середине 1980-х, наверное, к нам сюда [в Пермское. – А.Т., Ю.Л.] приезжали православные батюшки, крестили всех желающих. Вот, мы крестились. В церковь ходим» [ПМА-2024]. Об этом же говорили наши собеседники в Михайловке. Если добавить к этому, что многие тазы женились на русских, а женщины-тазовки выходили замуж за местных молдаван, украинцев и представителей других православных народов Приморья, то влияние православия окажется еще более значительным.

Вместе с тем, в ходе работы в селе Михайловка нам удалось зафиксировать небольшую молельню «лоифу» (вероятно, от кит. лаофу 老夫). Она представляет собой постройку из доски-вагонки, высотой около 60 см. и шириной около 40 см, напоминающей небольшой домик с треугольной крышей и отсутствующей передней стенкой. Доски были выкрашены в салатово-голубой цвет, а на фронтончике над отверстием гвоздями закреплена красная шелковая ткань. Домик был расположен в небольшой лесополосе-меже между двумя участками. Конек крыши расположен перпендикулярно коньку крыши основного дома усадьбы. Внутри молельни не было никаких предметов. По словам Р. (1953 г.р.), «хозяйка дома недавно умерла, а этот "лоифу" – последний, сохранившийся в Михайловке».

Изображение 1. Лоифу в деревне Михайловка. ПМА-2024

Лоифу был спрятан в узкой линии деревьев, отделяющих два приусадебных участка. Такое местонахождение напоминает расположение молелен народов Приамурья, описанных С. Паткановым на примере маньчжуротов: «Дворы нередко разделены переулками и рощами деревьев... Здесь же обыкновенно находится небольшая кумирня. Кроме того, в каждом огороде имеется небольшой амбарчик на четырех столбиках, служащий божницей...» [\[11, с. 19\]](#). Итак, перед нами еще один пример невидимости. С точки зрения статистики большинство тазов включаются в православных, однако наряду с этим они сохраняют и более древние формы традиционных верований. Видимость православия сочетается с «невидимостью» почитания лоифу.

Таким образом, тазовская культура в начале XXI в. не оказывается ни исчезающей, ни утратившей свои ключевые элементы традиционного быта и хозяйственной деятельности. Однако она по ряду причин не укладывается в традиционное представление об этничности и традиционности народной культуры (уже приводившийся А. Х. Гирфановой пример об отсутствии фольклора), что делает трудным не только ее фиксацию, но и ее презентацию в общественном пространстве как на региональном, так и на федеральном уровнях. Тазовская культура часто оказывается «невидима» для наиболее распространенных статистических методов и быстрых исследований.

Проблема границ культуры и этнического активизма. Эта проблема также очень важная и, как показывают исследования народов дальнего Востока второй половины XIX века, имеющая давнюю историю. Напомню, что согласно определению, данному в последнем наиболее полном издании о тазовской культуре, тазы представляют из себя общность «с этническим смешением в XIX в. китайских мужчин с женщинами гольдов (нанайцев), удэгейцев, орочей и солонов» [\[12, с. 5\]](#). Уже само определение показывает, что один компонент тазовской культуры гетерогенен: в состав тазов вошли представители различных тунгусо-манчжурских народов Приморья.

Однако и второй – китайский компонент также оказывается неоднородным. Те, кого на рубеже XIX – XX веков называли китайцами могли иметь не только разное

происхождение, выражающееся в определенных элементах культуры, но разное самосознание. Как писал в начале прошлого века исследователь Сибири С. К. Патканов, «сходство между маньчжурами и китайцами проявляется и в других отношениях, но, несмотря, однако, на такое сильное слияние, оба племени, где они живут рядом и еще не окончательно ассимилировались, почти всюду сохранили свое национальное чувство. Таким образом, маньчжур, обитающий в городе, не терпит, чтобы его принимали за китайца, как и китаец не любит, чтобы его считали маньчжуром» [\[11, с. 20\]](#).

Очень схожая ситуация сложилась и с самосознанием удэгейцев. Так, в 1920-е гг. проводится серия исследований (В. К. Арсеньевым, Б. А. Куфтиным), по результатам которых принятые в дореволюционной историографии названия народов, как правило экзоэтнонимы, заменяются локальными самоназваниями. Большая часть жителей южной половины современного Приморского края получает название «удехе», под которыми они и появляются в переписи населения 1926 г. Так, в Списке населенных мест Дальневосточного края имеется хуторское поселение «фанза Кынсын», в которой проживала одна семья, включающая 7 мужчин и 4 женщины [\[13, с. 134\]](#). Кынсин или Кынцин – распространенная тазовская фамилия, которая часто встречается в Ольгинском районе. С большой долей вероятности можно предположить, что на указанной фанзе под именем удэгейцев было зафиксировано присутствие предков современных тазов.

В другом интервью один из членов общины «Родник», гольд по самосознанию, но записанный в документах тазом, так говорит о проводимых мероприятиях: «Глава общины – Владимир Андрейцев, удэгеец. Он организует в рамках общины различные мероприятия, например, удэгейский новый год "Гуаня". Мы всегда помогаем проводить такие праздники. Они, конечно, не наши, но – это общее дело» [\[ПМА-2024\]](#). Вновь культура гольдов (тазов) четко отделяется от культуры удэгейцев, хотя проведение традиционных удэгейских праздников рассматривается как «общее дело» и важный элемент культурной жизни Ольгинского района.

Другая жительница с. Михайловка Р. (1953 г.р.), также гольдячка по самосознанию, записанная при переписи населения как тазовка, так описывает отношение с китайцами и китайским языком в середине XX века: «когда мои родители приехали в Михайловку (примерно в 1950-е гг. – А.Т., Ю.Л.) над ними смеялись и русские, и китайцы, потому что они не понимали ни по-русски, ни по-китайски. Их дразнили "фазанами"» (Рассказывая об этом она сгибала руки в локтях, поднимала их перпендикулярно телу и издавала звуки «фр-фр») [\[ПМА-2024\]](#). Таким образом, при переезде в Михайловку тазы (гольды) разговаривали на языке, который был непонятен для проживавших в селении китайцев.

Итак, в воспоминаниях и высказываниях тазы (и гольды) четко проводят границу между своей культурой, своим языком и культурой удэгейцев и китайцев. Это весьма примечательно, поскольку, если принять во внимание факт метисного происхождения культуры, от потомков китайско-удэгейских браков, то такое четкое разграничение культур выглядит необоснованным. Кроме того, четкое позиционирование культуры (и удэгейцев, и китайцев) как «не нашей» также требует дополнительных объяснений и более глубоких исследований вопроса.

В заключении этого раздела необходимо отметить, что русская культура, которая в высказывании Р. (1953 г.р.) противопоставляется гольдской или тазовской, в рассказе С. (2001 г.р.) находится как бы вне фрейма. Она – потомок смешанного брака местного молдаванина и мамы тазовки, однако в рассказе об исполнении удэгейского обряда она идентифицировала именно как тазовку. При этом в дальнейших рассказах о себе она

уточнила, что «говорит только на русском языке», а по самосознанию ей «трудно сказать [что-то определенное], потому что среди ее предков есть и русские, и молдаване, и немцы, и тазы» [ПМА-2024]. Добавим к этому, что ее бабушка, от которой она ведет свое тазовское происхождение и которую она называет тазовкой, сама идентифицирует себя как гольдячку.

Схожая ситуация произошла в ходе Интернет-исследования. В ходе поиска по типичным тазовским фамилиям в сети ВК была найдена женщина, проживающая в Санкт-Петербурге и носящая одну из распространенных у тазов фамилий. В ходе общения она сказала, что она – русская, но ее «две дочери – тазовки». Вместе с тем, согласно данным переписи 2021 г. в Санкт-Петербурге проживает 3 представителя народа «тазы», все они – мужчины. Иными словами, при разговоре с исследователем этнографом, который интересуется тазовской культурой, дочери позиционируются материю как тазовки, но при внесении данных в переписные листы, по всей вероятности они были записаны как русские.

Иными словами, тазовская идентичность фигурирует как одна из форм идентичности коренных малочисленных народов, выступая в качестве альтернативы идентичности удэгейцев, нанайцев, иногда гольдов и китайцев. Но взаимодействие тазовской и русской идентичности лежат в другой плоскости. Скорее тазы, признают ее как свою дополнительную, иерархически более высокую, этатистскую идентичность.

Проблема гольдской идентичности, оказалась, пожалуй, наиболее неожиданной и неординарной среди всего круга проблем, поднятых нашими исследованиями. Эта проблема практически не заметна при взгляде извне, без общения с представителями. В современной этнографической науке термин «гольд» считается устаревшим названием нанайцев [14, с. 61].

В ходе полевого исследования в 2024 году мы провели интервью с двумя людьми, которые ведут весьма активную жизнь – организуют общины, проводят праздники, организуют туристические мероприятия, ведут деятельность, связанную с поддержкой участников СВО, как на линии фронта, так и возвращающихся в Приморский край. Один из них – Г., 1969 г.р. – записан в переписи населения как таз, а другой – М., 1971 г. р. – как «гольд (нанаец)». Последний так описывает ситуацию со своей гольдской идентичностью: «Я решил эту проблему путем длительных судебных тяжб. Вообще, сперва в прокуратуру подал жалобу. А потом в суд на основании решения прокуратуры. Меня в индивидуальном порядке добавили... Теперь пишут так "гольд", а в скобочках нанаец» [ПМА-2024].

Остальные носители гольдской идентичности оказываются в ситуации, когда они точно знают, что они гольды, но получают преференции от государства в том случае, если идентифицируют себя как тазов. Как рассказывал М., (1971 г.р.) про свою родственницу: «Нас чуть больше ста человек. Но, вот тетя [...]. Она говорит, что она гольдячка, но в переписи записана тазовкой» [ПМА-2024]. Более того, в одной семье родственники могут быть записаны и тазами, и гольдами. Так, в поселке Веселый Яр почти все местные жители записаны тазами, и только самых пожилых мужчин – гольдами. При этом сотрудник администрации одного из населенных пунктов Г., (1968 г.р.) рассказывает, что задавала вопрос во время прямой линии с президентом России: «Когда будет признана национальность гольдов».

Последняя ситуация чрезвычайно интересна, поскольку женщина, которая идентифицирует себя как тазовка и своего сына записала как таза, тем не менее ведет

деятельность, которая способствует популяризации и репрезентации гольдской культуры. Более того Г. весьма активна в общественной сфере и ведет разнообразную работу по административной линии. Однако, это не способствует большей заметности тазовской культуры, о чем говорилось в первом разделе, однако способствует будированию вопроса о гольдской идентичности. В процессе интервью Г. сообщали что ее дяди записываются в переписи как гольды. В ответ на это участники опроса рассказали ей, что согласно правилам подсчета гольдов прибавляют к нанайцам. Она была очень расстроена этим фактом.

Уже упоминавшийся выше другой опрошенный (М., 1971 г.р.) рассказывает о противопоставлении гольдов и тазов следующее: «Сейчас я уже не помню ничего. А когда из армии пришел еще все старики живы были, я разговаривал <...> То есть это языки сродственные [китайский и гольдский. – А.Т., Ю.Л.]. Вот как вы с украинцами будете разговаривать? Вы ж по большей части понимаете? Но чувствуете, что тяжело Вам с ними разговаривать. Вот точно так же. Вот языки прямо одна[ковые]... ну... похожие. Вот с удэгейцами – чуть подальше» [ПМА-2024].

Именно в интервью с ним наиболее последовательно проявилось его представления об отличии гольдов от тазов. М. так описывает эту ситуацию: «Раньше 75 % населения Приморского края... об этом еще Анучин писал... были гольды. И гольды жили хорошо в большинстве своем, у них были богатые семьи, как вот мои рода... У меня род Пиньчин по бабушке...Они богатые рода были и они... многодетные были. И все у гольдов брали жен покупали. Все народности... удэгейцы, неважно кто... Рассчитывались, кто мехами, кто чем» [ПМА-2024]. Иными словами, гольды выступают как наиболее состоятельные, причем состоятельность логически связывается с большим количеством детей, родовые группы данной местности.

Все приведенные материалы свидетельствуют о том, что гольдская идентичность в настоящее время оказывается чрезвычайно актуальной. Причем отдельно стоит подчеркнуть, что наиболее успешные в социальном и экономическом плане представители коренных малочисленных народов Ольгинского района идентифицируют себя именно как гольды, а не тазы. Это также может быть важным элементом, объясняющим ситуацию невидимости тазовской культуры.

Выводы. Обобщая все сказанное выше, можно констатировать, что тот феномен, который изучается этнографами под названием «тазовской культуры», представляет собой сложный комплекс черт, включающих в себя большее количество культур прародителей: не только китайскую и удэгейскую, но и маньчжурскую, гольдскую, возможно корейскую. Наследием этих многочисленных культурных корней стало особое самосознание, которое связано в первую очередь с семейным происхождением.

Вместе с тем, как показывают приведенные интервью, историческая память тех тазов, которые идентифицируют себя как гольды простирается намного глубже в историю, чем 1830–1850-е гг., которыми датируется китайско-удэгейское смешение культур, породившее культуру тазов. Также заслуживает более внимательного исследования история тунгусо-маньчжурской общности в Приамурье в XIX в., поскольку она включала гораздо больше этнических групп и подгрупп, чем те, которые известны нам сейчас. Также, весьма вероятно, что эти группы (народности, племена, доха) не имели стабильного состава и менялись с течением времени, принимая людей из других групп и регионов. Для исследования этнической истории тазов, удэгейцев и нанайцев Приморского и Хабаровского края необходимо четко понимать истоки этнической

ситуации, сложившейся на момент прихода России на эту территорию.

«Невидимость» тазов, вероятно, является ответом на необходимость скрывать китайские корни для тех людей, которые решили остаться на территории СССР в 1930-е гг., а наличие «гольдской идентичности», как сейчас кажется внутри тазовской, указывает на более сложный, композитный характер тазовской культуры.

Свой вклад в исследовании проблематики этнической истории тазовского народа авторы видят в том, что продемонстрировали несоответствие тех понятий и терминов, с помощью которых описывается культура тазов в XX-XXI вв. тем понятиям, которые используют сами местные жители. Фиксация предков тазов по фамилии Кынсын как удахэ или современных носителей гольдской идентичности как тазов или гольдов-нанайцев создает дополнительные трудности и ненужные смысловые коннотации у этих понятий. Вероятнее всего, «текучий» и динамичный характер групп как тазов, так и других тунгусо-манчжурских народов Приморского края обретал нехарактерную для реальных социальных организмов четкость и структурированность именно в государственной документации и научных исследованиях.

Именно эта «текучесть» и динамичность привела к тому, что за XX-XXI вв. предками людей, которые в настоящее время идентифицируют себя как тазы (и гольды) оказались и русские, и украинцы, и молдаване и российские немцы. Таким образом, новейшая этническая история иллюстрирует возможные траектории развития народа в прошлых столетиях.

Библиография

1. Туторский А. В. Репрезентация культур удэгейцев, нанайцев и тазов в киберпространстве (по материалам исследования 2024 г.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2025. № 1(71). С. 48-56. DOI: 10.24866/1997-2857/2025-1/48-56 EDN: MTRVIU.
2. Латушко Ю. В. Национально-культурное возрождение в посттрадиционных обществах (проблема качественной и количественной оценки) // Россия и АТР. 2010. № 2(68). С. 173-180. EDN: MVBCMV.
3. Туторский А. В. Проблема национального возрождения и этнокультурные процессы в Поволжье в конце XX – начале XXI В. (на примере г. Маркс Саратовской области) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 3. С. 26-51. EDN: JVGTRH.
4. Бондаренко Д. М., Хохолькова Н. Е. Метаморфозы идентичности африкано-американцев в постсегрегационную эпоху и теория афроцентризма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 2. С. 30-45. EDN: UVNSFQ.
5. Хохолькова Н. Е. "Африканцы XXI века": репрезентация транскультурной идентичности в виртуальном пространстве // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 90-102. DOI 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-90-102 EDN: EQECAC.
6. Герман Р. Э. Политическая идеология пантюркизма: сущность и распространение на Северном Кавказе в исторической ретроспективе и на современном этапе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2025. № 2. С. 23-28. EDN: PBGIFL.
7. Шумилов М. М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть I. // Управленческое консультирование. 2022. № 6(162). С. 36-53. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-6-36-53 EDN: NWUFXP.
8. Головнёв А. В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 6-32. DOI:

10.31250/2618-8600-2020-3(9)-6-32 EDN: JFGSNP.

9. Гордеев Ф. И., Туторский А. В., Чиркова А. Х. Видеоматериалы о беджа в интернете: локальные и глобальные измерения идентичности // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2023. № 3. С. 127-138. DOI: 10.32521/2074-8132.2023.3.127-138 EDN: KPFAXQ.

10. Гирфанова А. Х. К социолингвистическому описанию тазов // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: Сборник статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930–1995). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская издательская фирма "Наука" РАН, 2006. С. 387-395. EDN: TORYLT.

11. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Т. II. Прочие тунгусские племена. СПб., 1906. – 206 с.

12. Сем Ю. А., Сем Л. И., Подмаскин В. В., Старцев А. Ф., Фадеева Е. В., Янчев Д. В. История и культура тазов: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2019. – 416 с. EDN: CWUVVL.

13. Список населенных мест Дальневосточного края. По материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года и Приполярной переписи 1926–1927 гг. Хабаровск-Благовещенск: Типо-литография № 3 акц. о-ва Книжное дело, 1929. – 229 с.

14. Черновская Е. А. Тазы Приморья: предварительные результаты этнодемографического обследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2025. № 1(71). С. 57-65. DOI: 10.24866/1997-2857/2025-1/57-65 EDN: FTKGQA.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – этнические процессы среди тазов в начале XXI в.

Методология исследования. В работе были использованы общенаучные теоретические и эмпирические методы исследования такие, как наблюдение, анализ, синтез, сравнение и интерпретация. Автор опирался на конструктивистские подходы к изучению этнической манифестации и этнической идентичности, а также использовал методы этнологического и культурологического анализа.

Актуальность. Автор отмечает, что «тазы – коренной малочисленный народ Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, включенный в официальный перечень 24.03.2000 [Постановление Правительства РФ № 255 от 24.03.2000 г. (ред. от 18.12.2021) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»]. Изучение процессах, которые протекают в культуре тазов отлично от многих других народов России представляет значительный интерес, т.к. они у тазов, в отличие от других народов страны в 1980-1990-ые годы не отмечено такое явление, как «этническое возрождением» в ходе которого народы стали более активно продвигать свою культуру и идентичность в общественном пространстве, средствах массовой информации, включая с 2000-х и электронные издания». Автор статьи ставит целью проследить этнические процессы у этого малочисленного народа. Работа написана на материалах двух репрезентативных исследований: 1) веб этнографическое исследования в мае-апреле 1924 г. по полевого исследования в Ольгинском районе Приморского края, где проживают тазы. Автор подчеркивает, что исследование показало

«современная культура тазов по целому ряду параметров и особенностей существенно отличается от культур других этнических общностей России и Приморского края». Актуальность изучения этнических процессов у тазов очевидна и не вызывает сомнений. Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна также определяется тем, что в статье довольно подробно и всесторонне рассматриваются вопросы слабости этнической презентации тазов, выявляются какие факторы влияют на слабую представленность культуры тазов в интернет-пространстве и многие другие вопросы, которые в этой работе фактически исследуются впервые.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык ясный и четкий, есть элементы описательности, которые делают текст статьи легким для чтения и восприятия не только для специалистов, но и широкого круга читателей. Структура работы в целом направлена на достижение цели статьи и ее задач. В начале статьи автор дает общее представление о том, кто такие тазы и раскрывает, когда они выделены в отдельную этнографическую группу (малочисленный народ) и стали учитываться в переписных документах. Проведенное автором двухэтапное исследование (вэб-этнографическое и полевое), который дал возможность собрать репрезентативный материал по «современному состоянию культуры и вторичных репрезентаций их культуры» лег в основу статьи и позволил автору выявить процессы этнического развития тазов. Автор выделяет проблему автаркии культуры тазов, которая проявляется в четком разграничении культуры самих тазов и наиболее «родственных им культур (китайской и удэгейской)» и в особом характере активизма тазов, связанного с проблемой «гольдской идентичности».

Она проявляется, во-первых, в четком разграничении тазовской культуры и ближайших родственных культур (китайской и удэгейской), а во-вторых, в особом характере тазовского активизма, который связан с т. н. проблемой гольдской идентичности. Хорошо и всесторонне автором исследована «проблема «невидимости» тазовской культуры» и ее связь с гольдовской идентичностью, которой посвящен раздел. Автор отмечает, что тазы «не утратили свои ключевые элементы традиционного быта и хозяйственной деятельности. Однако она по ряду причин не укладывается в традиционное представление об этничности и традиционности народной культуры. Тазовская культура часто оказывается «невидима» для наиболее распространенных статистических методов и быстрых исследований.

Автором выделен и подробно рассмотрена «проблема границ культуры и этнического активизма». И следующий раздел — это проблема гольдской идентичности, который автор статьи выделяет как «наиболее неожиданной и неординарной среди всего круга проблем, поднятых нашими исследованиями. Эта проблема практически не заметна при взгляде извне, без общения с представителями». В заключении автор приводит основные выводы по статье.

Библиография статьи состоит из 14 источников по исследуемой теме. Цитируемая в статье литература в полной степени отражает современное состояние рассматриваемой в работе темы.

Апелляция к оппонентам проведена на уровне собранной информации по теме исследования и полученных результатов. Апелляцией к оппонентам является также библиография работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную и интересную тему. Нет сомнения в том, что она вызовет интерес у специалистов и широкого круга читателей.

